

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

60

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1955

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

РАСКОПКИ НА ГОРОДИЩЕ ДРЕВНЕГО ПЯНДЖИКЕНТА (в 1953 г.)

Как и в предыдущие годы, Пянджикентский отряд работал в 1953 г. в составе Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР и Государственного Эрмитажа¹.

Опубликованные в печати отчеты об археологических работах Таджикской археологической экспедиции на городище древнего Пянджикента, ведущихся систематически с 1946 г.², дают достаточно полное представление об этом незаурядном по значению памятнике культуры народов Средней Азии, в первую очередь согдийцев — предков таджиков. Поэтому в сообщении о результатах очередного раскопочного сезона нет нужды останавливаться на общей характеристике городища.

Считаем необходимым напомнить лишь, что оно представляет собой сложный комплекс, состоящий из цитадели (кухендиза), собственно города (шахристана), пригородного поселения и некрополя.

В 1953 г. работы проводились на территории шахристана и пригородного поселения.

В результате работ прошлых лет наметились общие вопросы, разрешение которых и составляет основную задачу исследования памятника. К ним относятся в первую очередь вопросы о социальном составе жителей древнего Пянджикента и об их занятиях. Важное место занимает изучение памятников искусства, что, в частности, связано с вопросом о религиозных представлениях жителей Согда, поскольку религиозные воззрения нашли отражение в памятниках материальной культуры и искусства. Постоянной задачей является также уточнение датировки всего комплекса в целом и отдельных находок.

Раскопки на шахристане. На территории шахристана продолжались раскопки двух строительных объектов (III и VI), работы на которых были начаты в прошлые годы. Кроме того, отряд приступил к исследованию двух новых объектов (IX и X).

Сравнительно небольшие по объему работы на объекте III имеют, однако, существенное значение. Здесь вскрыто четыре помещения (рис. 32):

¹ В работе отряда принимали участие М. М. Дьяконов — начальник экспедиции, А. М. Беленицкий — начальник отряда, старшие научные сотрудники В. Л. Воронина, Б. Я. Ставиский, младшие научные сотрудники Н. Негматов, А. Джалилов, О. Г. Большаков, А. М. Мандельштам, художник Ю. П. Гремячинская, архитектор Г. Лапир, реставраторы Е. Г. Шейнина, И. Б. Бентович, К. Г. Большакова и лаборанты — студенты Ленинградского, Московского и Сталинабадского университетов.

² Отчеты (до 1950 г.) опубликованы в МИА, № 15 и 37; за 1951 г. — СА, XVII; за 1952 г. — КСИИМК, вып. 55.

два жилых, обычных для объекта — квадратный в плане парадный зал (9×9 м) и сводчатое продолговатое помещение типа коридора, и два других помещения, которые, как выяснилось, были заняты мастерской, вероятно, по обработке металла и выделке оружия. Открытие подобной мастерской представляет большой интерес.

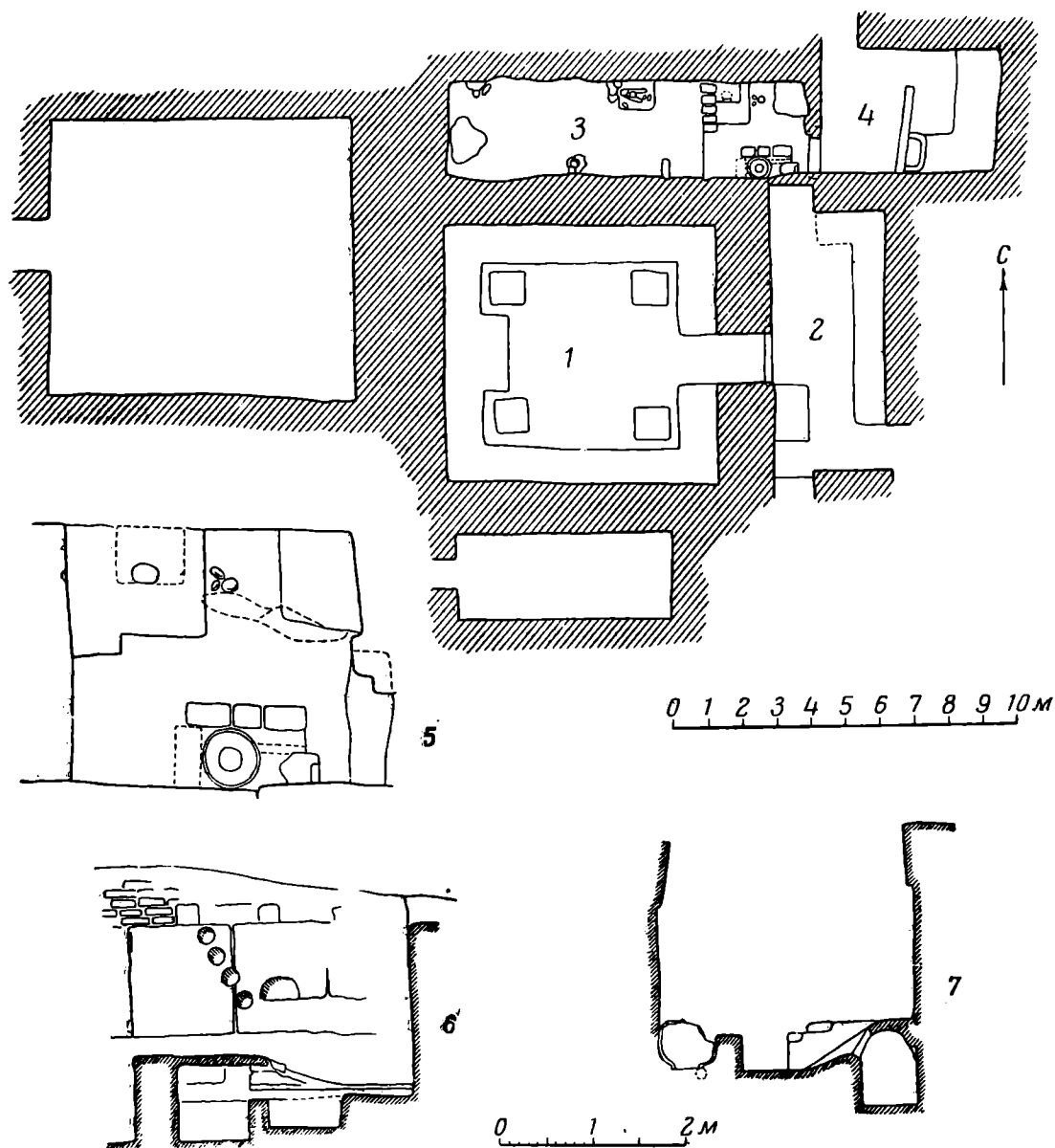

Рис. 32. Шахристан. Объект III.

Помещения, вскрытые в 1953 г.: 1 — парадный зал; 2 — коридор; 3, 4 — мастерская; 5, 6, 7 — план (5) и разрезы (6, 7) восточной части мастерской (помещение 3).

Первое из двух помещений, то, в котором производилась работа, представляет собой прямоугольную комнату ($7,0 \times 2,75$ м), перекрытую некогда сводом. Часть свода уцелела в восточной части помещения. Стены сохранились, хотя и в очень плохом состоянии, почти на всю первоначальную высоту. Надпольный слой на большей части пространства мастерской включал много измельченного угля, накопленного, судя по уплотненности, в течение долгого времени. Пол неровный, со многими выбоинами и углублениями. У северной стены одно углубление облицовано сверху камнями, частично обвалившимися внутрь ямки. Над каменной выкладкой сохра-

нился небольшой участок глиняной прокаленной обмазки. У противоположной стены — вкопанная в землю, также обгорелая горловина хума, заполненная золой.

Наиболее интересны в устройстве мастерской остатки двух специальных довольно сложных сооружений в восточной части помещения (рис. 32—5). Первое из них, расположенное у южной стены, состоит из невысокой площадки, сложенной из сырцового кирпича. На западном ее конце был установлен вниз горловиной крупный хум (корчага) со срезанным дном. На месте сохранилась часть тулова, прислоненная к стене. В толще площадки от края к горловине хума шел узкий канал. Это сооружение, вероятно, является горном с воздухомангнетательным устройством.

Назначение второго, расположенного у северной стены сооружения менее ясно. Здесь также сложена площадка, но более высокая, чем первая. В толще ее оставлено прямоугольное в плане углубление ($0,75 \times 0,6$ м при высоте 0,8 м), идущее до пола помещения. Эта яма (или закромок) перекрыта уплощенным сводом, в котором сверху оказалась пробоина. Внутреннее пространство сооружения заполнено рыхлым лёссом и обломками кирпича. Остальная часть площадки глинобитная с толстыми прослойками измельченного угля, такого же, как и на полу помещения.

Не перечисляя всех находок, встреченных в мастерской, отмечу лишь наиболее характерные. Из керамических изделий, помимо фрагментов разных сосудов, была найдена круглая дисковидная подставка, очень сильно закопченная, и часть овальной ванночки. Обнаружено довольно много поделок из рога и кости (в том числе накладки от лука) и несколько железных предметов. Особенно интересны два двухканальных сопла, отличающиеся по внешней форме друг от друга. Одно из них — сильно прокаленное от длительного употребления, причем один рожок обломан в древности. Другое, видимо, или вовсе не было в употреблении, или же применялось так, что с горном непосредственно не соприкасалось. Среди находок отметим также обломок каменной литейной формы, сильно попорченный.

Второе помещение, меньших размеров, соединялось проходом с рабочей комнатой и имело выход наружу. Тонкой стенкой оно было разделено на две части: западная служила небольшими сенями; восточная, за перегородкой, была оборудована суфой и небольшим закромком. Возможно, что здесь производилась добавочная обработка изделий или их продажа, вернее, и то и другое. Полагать, что эта комната была жилой, нет основания. Перед нами, очевидно, одна из форм двухкомнатных мастерских, которые характерны и для средневековых мастерских Средней Азии. Повидимому, нами обнаружена металлообрабатывающая мастерская, возможно, производившая оружие. Факт открытия ее в составе помещений объекта III сам по себе чрезвычайно интересен.

Следует отметить, что мастерская находится на северном конце квартала. Дальше проходит неширокая улица, по другую сторону которой расположены жилые постройки.

Мастерская размещена в непосредственном соседстве с парадным залом крайней «квартиры» объекта III, несомненно принадлежавшей представителю военно-феодалной знати.

Сказанное позволяет предположить, что положение ремесленника, обосновавшегося непосредственно в жилом квартале знати, было в социальном отношении высоким. Повидимому, мастерская эта свободного ремесленника. Напомним, что открытая в 1952 г. в пригородном поселении стеклоделательная мастерская привела к аналогичному выводу.

Чрезвычайно интересны и результаты раскопок на объекте VI (рис. 33—1). За сезон 1953 г. здесь вскрыто семь помещений. Из них два парадных зала имели плоские перекрытия, остальные пять покрыты сво-

Наиболее ценные открытия сделаны в парадных залах. В первом из них (на плане пом. № 8) удалось установить размеры и форму баз и стволов трех колонн. Это оказалось возможным благодаря тому, что при разрушении зала колонны были засыпаны. После того как стволы деревянных колонн сгнили, в слежавшейся земле остались пустоты, заполненные более рыхлым грунтом. Пустоты замечены нами сверху и вокруг них были оставлены «футляры». Последовательные тщательные разрезы позволили • восстановить форму колонн (рис. 33—2, 3), проследив ее до высоты около 2 м.

В связи с этими наблюдениями можно считать доказанным, что к данному времени установилась вполне определенная форма колонны. Особенностью колонн является база в виде усеченной четырехгранной пирамиды и ствол с шаровидным утолщением внизу, повидимому имитирующим форму горшка «куза», как эта часть и называется в настоящее время. Древняя среднеазиатская колонна напоминает североиндийскую, для которой также характерна эта деталь¹. Следует, видимо, признать, что наличие в храмах Пянджикента каменных баз другой формы не характерно для всего зодчества времени существования города. В гражданской архитектуре применялись колонны, целиком изготовленные из дерева.

В смысле общей планировки зал этот мало чем отличается от раскопанных в прошлые годы аналогичных помещений. Единственное его отличие заключается в расположении парадной суфы, которая обычно размещалась против входа. Здесь же вход в боковой по отношению к ней стене.

Существенно отличается по планировке второй зал (пом. № 13). При ширине в 7,25 м он достигает 11,5 м в длину. Южная его стена непосредственно примыкает к городской стене. Зал делится на две части: северную и южную, причем пол в южной половине его приподнят, как бы образуя возвышение, имеющее в свою очередь дополнительную суфу с южной и отчасти восточной стороны. О характере перекрытия можно судить только по аналогии с другими подобными помещениями. Оно было, вероятно, плоским и покоилось на столбах. Но следов от колонн и баз при раскопках не найдено. В центре пола зала обнаружены следы кострища, что дает возможность говорить о люке для прохода дыма. Через этот же люк в потолке проникал и дневной свет. Других проемов, через которые помещение могло освещаться, не обнаружено.

Необходимо отметить и другие интересные детали в устройстве зала: это облицовка суф и стен обожженными плитками (34 × 24 см) и применение камышевой подкладки под штукатурку на тех участках, где имела плиточная облицовка.

Стены обоих зал были покрыты росписями, от которых сохранились лишь небольшие фрагменты, представляющие тем не менее весьма большой интерес.

Объект IX, раскопки которого начаты в 1953 г., расположен в северо-восточном углу шахристана (рис. 34). Все здание раскопать за один сезон не удалось и окончательно охарактеризовать его пока невозможно. В восточной части здание было двухэтажным, здесь прекрасно сохранилось устройство наклонных сводов в «лестничной» клетке.

Из полностью раскопанных помещений следует особо отметить продолговатый уступчатый в плане зал 10,5 × 5,8 м (пом. № 6). По планировке он напоминает помещение 13 объекта VI. В южной, более узкой части пол приподнят, образуя возвышение.

Отличают это помещение и некоторые детали оформления стен: обнаружены ряды ниш, чего до сих пор не наблюдалось в жилых помещениях

¹ Ср. исследование индийского ученого А. Сомогасвами. *Yaksas*, part II. Washington, 1931, стр. 61 и сл.

Пянджикента. В других зданиях изредка встречались лишь одиночные ниши.

К числу особенностей следует отнести ряды гнезд от деревянных полу-круглых в сечении балочек у основания сводов. Во многих углублениях

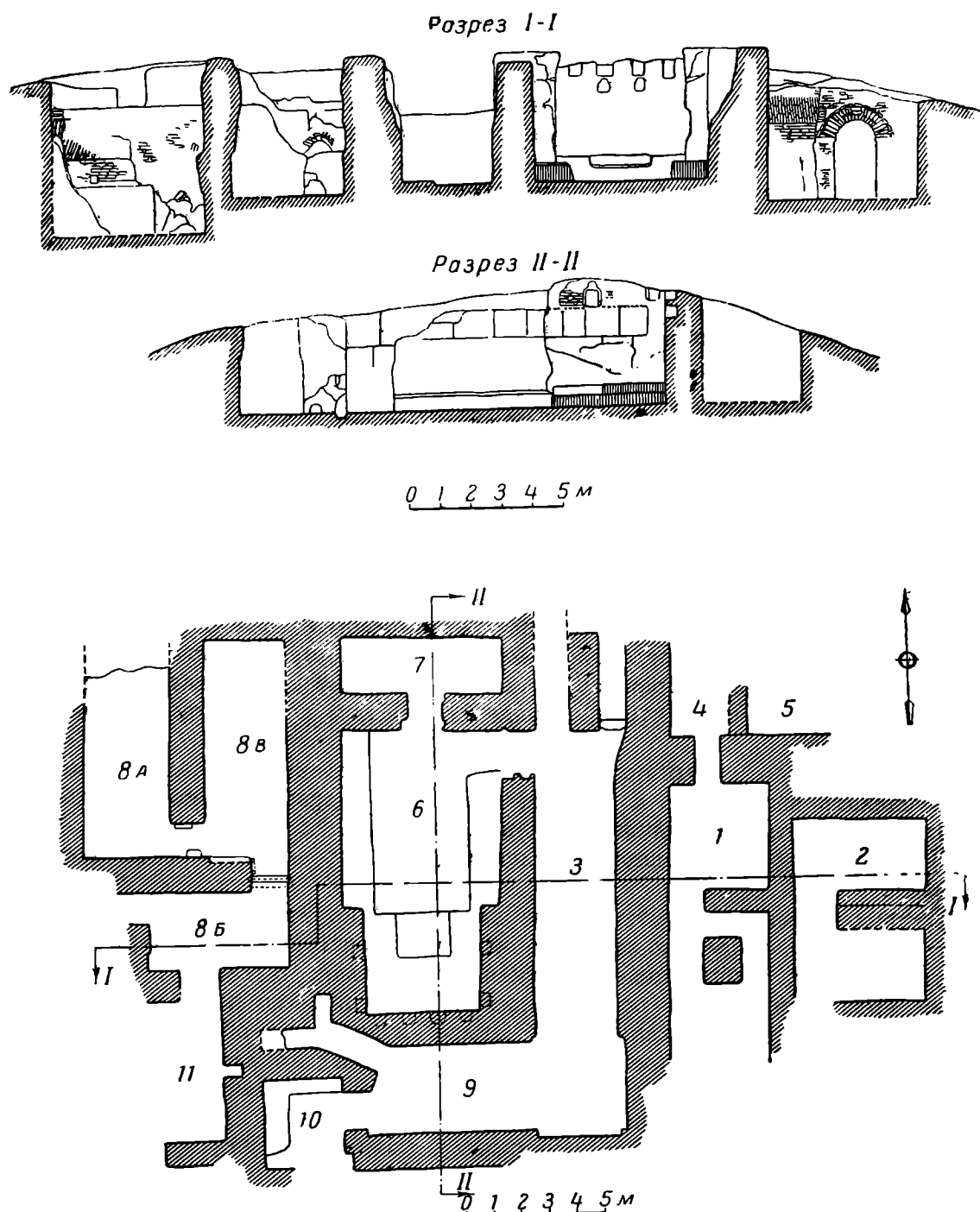

Рис. 34. Шахристан. Объект IX. План и разрезы.

обнаружена древесная труха. Служили ли они поддержкой для полок или сплошных настилов, — вопрос, на который пока нельзя дать ответ. Помещение было соединено проходом с небольшой сводчатой комнатой на севере и другим проходом с более обширной, но также сводчатой комнатой, примыкающей с востока, которая непосредственно переходит в обширное помещение, идущее к ней перпендикулярно. Загадочна отходящая под углом

к этому помещению узкая сводчатая комнатка с «отростком» в западной части, полностью в текущем году не раскопанная.

К западу расположены три сводчатые помещения, связанные между собой проходами. Выход наружу есть в южной стене, вероятно в небольшой, окруженный стеной, дворик. В некоторых помещениях отчетливо прослеживается вторичный период жизни; сохранилось довольно много весьма характерной посуды серого цвета, главным образом кухонной. На нескольких фрагментах обнаружена надпись арабскими буквами, которая может быть датирована по палеографическим признакам IX—X вв. Надпись свидетельствует о принадлежности керамики этого типа обитателям, ютившимся в развалинах дома уже после того, как город прекратил свое существование.

В 1953 г. начато обследование городской площади, расположенной между храмами и третьим зданием. Этот пункт раскопок обозначен как объект X. Работы этого года, небольшие по масштабу, имели целью изучение собственно городской планировки. Исследован вал, разделяющий площадь на две части. Насколько можно судить, вал представляет собой развалины весьма длинной крытой галереи (типа айвана), стены которой были некогда покрыты росписью. Возможно, что это остатки торговых «рядов».

Раскопан был также небольшой участок между объектами III и IX, где вскрыт участок улицы шириной около 5—6 м, частично как будто замощенной булыжником.

Раскопки в пригородном поселении. В пригородном поселении работы были начаты в 1951 г. и продолжены в 1952 г. За эти годы раскопано четыре жилых дома. Полученный материал дал довольно полное представление о типе жилища в пригороде, планировке, архитектуре и технических приемах строительства. Установлено с полной очевидностью, что пригородное поселение синхронно с шахристаном. Открытие при одном из домов стекольной мастерской, а также некоторые другие находки, позволили утверждать, что жители, наряду с сельским хозяйством занимались и ремеслами.

Развитый план жилых построек, их фундаментальность и размеры позволили сделать вывод, что в каждом доме жила сравнительно небольшая семья свободного ремесленника или земледельца.

В 1953 г. в пригородном поселении раскопки велись уже на восьми пунктах.

В двух пунктах вскрыты жилые здания. Одно из них (№ 6) состоит из трех комнат. После пожара оно частично перестроено — возведены ремонтные стены, нарушившие первоначальный план. В связи с этим дом в том виде, в каком он вскрыт, несколько отличается по планировке от других исследованных экспедицией жилых зданий; не обнаружен пандус для подъема на крышу, имеющийся во всех жилых домах; новой деталью, не отмеченной в остальных зданиях пригородного поселения, является наличие, в одной из комнат, облицованной кирпичом суфы, идущей вдоль всех стен. Эта деталь определяет, по видимому, назначение помещения в качестве «гостиной» (михмон-хона).

Превосходным образцом загородного жилища может служить второй дом, раскопанный в 1953 г. (рис. 35). Расположенный поодаль от центра поселения, он сохранил практически все необходимые для его реконструкции детали внутренней планировки. Дом состоит из четырех помещений. Вход в него с северной стороны. Удлиненная первая комната служила по всей вероятности кухней и столовой, о чем свидетельствуют сильно прокаленный в ряде мест пол, суфа, остатки посуды, костей, золы и пр. Проемы в западной стене вели в две жилые комнаты. Боковые суфы, очень твердый пол, стенная ниша в одной из них — все свидетельствует о жилом характере помещений.

Южная половина первого помещения была занята пандусом, ведущим на крышу. Как и в других домах, часть массива пандуса была использована для устройства сводчатого помещения типа кладовки, причем в западной стенке проделан проем — вход в четвертое помещение, оказавшееся наиболее интересной для нас частью дома.

Его планировка такая же, как и других помещений. В частности, суфа расположена, так же как и во второй и третьей комнатах, у южной стены. В западной части вскрыта обширная яма, а рядом с нею прямоугольное углубление в форме ванны. И то и другое тщательно обмазано толстым слоем ганча.

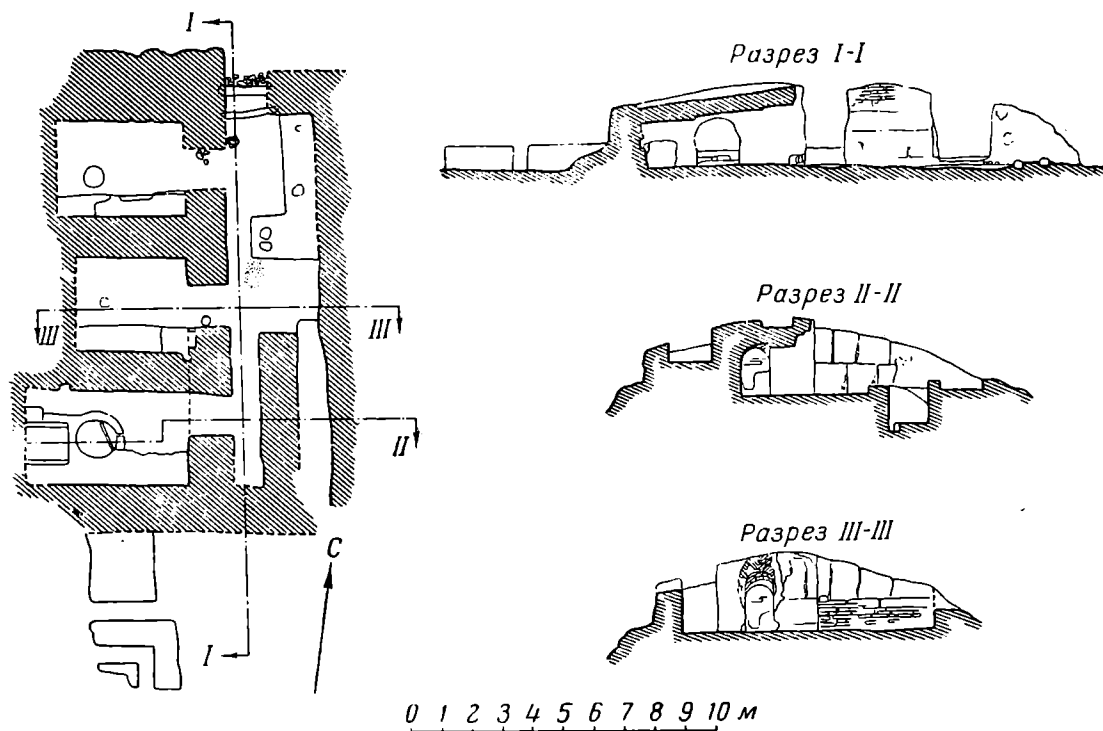

Рис. 35. Пригородное поселение. План и разрезы здания № 9.

Чрезвычайно интересно заполнение ямы. Сверху, как и по всему полу, лежал толстый слой перегорелой черной земли — результат более позднего использования помещения, вероятно, случайными обитателями. Под слоем горелой земли яма была заполнена разбитой посудой, причем оказалось, что в большинстве случаев из обломков собираются целые сосуды. Иначе говоря, в яму, как можно предположить, были сброшены сосуды, находившиеся в комнате. Очень характерен и состав их. Это хумы, кувшины, чаши и т. д.

Устройство ямы тоже необычное. В дне, несколько наклонном, сделано добавочное углубление, отчего яма в разрезе имеет как бы ступенчатую форму. После тщательного исследования стенок ямы был обнаружен, вначале незамеченный, сток или канал, которым ванна соединялась с ямой. Стенки канала также оштукатурены. Стало очевидным, что перед нами не что иное, как винодельня. В ванне выдавливался сок из винограда; по стоку он попадал в яму и в ней отстаивался (см. рис. 35, разрез II—II). Углубление, устроенное на дне, обеспечивало отстойку вина. Комната представляла собой одновременно и давальню и винный погреб, так как, несомненно, разбитые сосуды, обнаруженные в яме, происходят из этой же комнаты.

Это второй случай обнаружения такого рода сооружений на территории Средней Азии. Первая винодельня раскопана на городище древнего Са-

рыга в Киргизии в 1940 г. и датируется XI веком¹. Пянджикентская винодельня безусловно относится ко времени до арабского завоевания, она старше сарыгской по меньшей мере на три-четыре века и по устройству значительно отличается от нее. В сарыгской — приемником-резервуаром для сусла служит вкопанный в землю хум, а не тщательно устроенный специальный резервуар. В этом отношении винодельня древнего Пянджикента ближе по устройству к античным винодельням причерноморских городов, где виноделие имело промышленное значение и стояло на очень высоком техническом уровне². Вместе с тем устройство в резервуаре-приемнике специального отстойника свидетельствует о специфической местной традиции. Отличается пянджикентская винодельня от причерноморских и сарыгской наличием ванны для давления. В последних ее заменяли цементированные площадки.

Некоторые особенности устройства пянджикентской винодельни могут быть прослежены в устройстве давилен недавнего прошлого Самаркандского района, так называемых «чорхишт», предназначенных для изготовления виноградной патоки («шинни», или, вернее, «ширини»). Здесь также устраивалась специальная ванна, но вместо одного резервуара-приемника с отстойником делалось два, причем во второй виноградный сок переливался после того, как он очищался от мязи, отстаиваясь в первом резервуаре³. Отметим, что в современном названии «чорхишт» сохранилось, повидимому, согдийское слово «чорхушт»⁴, означавшее винодельню. Слово это сохранилось в древнейшем словаре таджикского (персидского) языка XII в.⁵

В целом, устройство винодельни свидетельствует о весьма высоком уровне культуры виноделия. Интересно это открытие и в другом аспекте. Размер ямы рассчитан на производство по крайней мере 1,5—2 тыс. литров вина. Соответственно можно судить и о большом развитии виноградарства.

Помимо раскопанных жилых домов, в 1953 г. на периферии пригородного поселения проведены раскопочные работы в пяти других пунктах. Результаты оказались несколько неожиданными. Во всех вскрытых сооружениях обнаружены остатки захоронений. В четырех пунктах это были специальные наусы. В одном случае для захоронения использовано, видимо, опустевшее жилое помещение.

Обнаружение наусов вне территории собственно некрополя имеет существенное значение для решения вопроса об обряде захоронения. Вполне очевидно, что строгий зороастрийский ритуал в Пянджикенте не применялся. Достаточно отметить, что некоторые из наусов находятся в непосредственной близости от водных протоков, некогда орошавших эти места. Все наусы, как и на некрополе, разрушены и ограблены в древности. Находок немного. Но все же некоторые из них следует отметить. Интересно на одном из оссуариев изображение крылатого гения: отчетливо видна форма его головного убора (рис. 36—1). Находка, насколько известно, уникальна. До сих пор на оссуариях изображения крылатой человеческой фигуры не встречались.

Интересен фрагмент налепа, изображающего женскую полуобнаженную фигуру танцовщицы (?) (рис. 36—2).

Одновременно с раскопками новых объектов велись работы и на ранее раскапывавшихся объектах. Был исследован участок улицы между первым

¹ МИА, № 14, стр. 44.

² В. Ф. Г а й д у к е в и ч. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 103 и др.

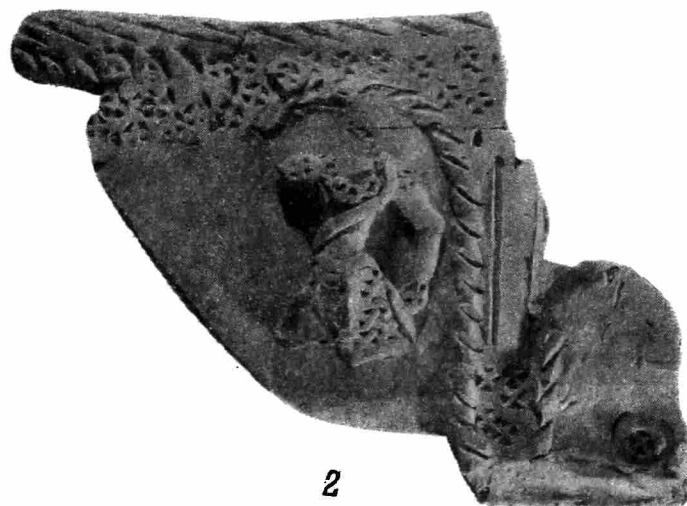
³ М. В. В и р с к и й. Виноградарство Самаркандского уезда, Самарканд, 1903.

⁴ На согдийское происхождение слова «чорхушт» любезно указал мне В. А. Лифшиц.

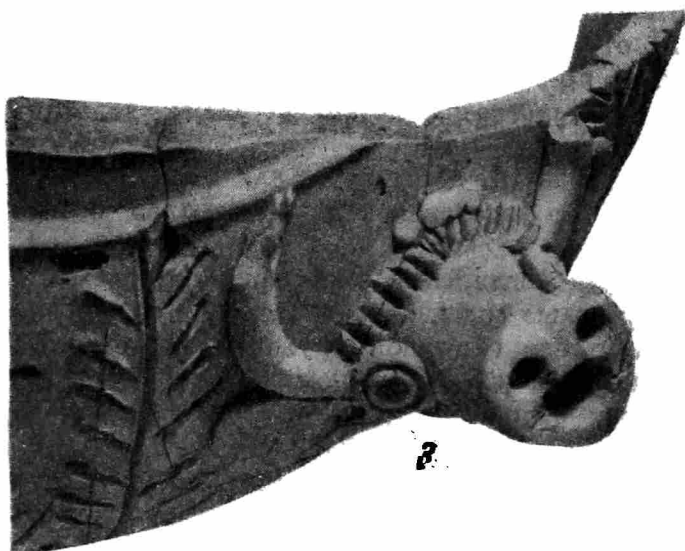
⁵ Lugal-i-furs. Тегеранское издание, стр. 41.

1

2

3

Рис. 36. Предметы из раскопок в Пянджикенте:

1 — фрагмент оссуария с изображением крылатого гения; 2 — фрагмент оссуария с изображением полуобнаженной женской фигуры; 3 — фрагмент глиняного сосуда со сливом в виде головы быка.

и четвертым домами, вскрыты развалины хозяйственных построек, принадлежавшие к третьему дому.

Во время дополнительных раскопок стеклоделательной мастерской, открытой в 1952 г., обнаружены бракованные изделия и отходы производства, подтвердившие назначение этого помещения.

Находки. Охарактеризовать в краткой статье все находки, сделанные во время раскопок, трудно. Как всегда, обильны глиняные изделия. На основании наблюдений 1953 г. можно стратиграфически выделить две группы керамических изделий, из которых одна относится к периоду до разрушения города, а другая к несколько более позднему времени, вероятно, к началу IX в. Среди бытовой посуды отмечен ряд новых форм, найдено несколько замечательных отдельных предметов, например, крупный сосуд с елочным орнаментом и прекрасно оформленным сливом в виде головы быка (рис. 36—3).

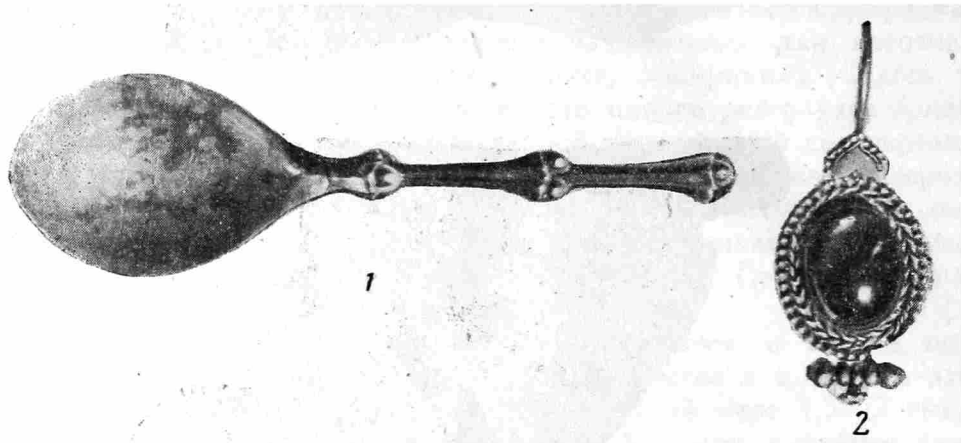

Рис. 37. Серебряная ложечка (1) и золотая серьга (2) из раскопок в Пянджикенте.

Железных изделий, сохранивших форму, сравнительно мало. Отмечу лишь находки железных ножей, наконечников стрел, гвоздей, костылей и пр. Из числа других металлических изделий следует отметить миниатюрный бронзовый котелок и прекрасную серебряную ложечку с ручкой, оформленной в виде отростка виноградной лозы с характерными «междоузлиями», найденную в пригородном доме № 9 (рис. 37—1). Прекрасный образец ювелирного мастерства представляет собой золотая «разборная» серьга с самоцветами (рис. 37—2).

Изделий из рога и кости, обычных для городища Пянджикента, в 1953 г. не встречено, но заготовок этих материалов, особенно в мастерской, сделано много.

Небольшая коллекция согдийских эпиграфических памятников, найденных на городище в прошлые годы, обогатилась еще одной новой надписью, сделанной тушью на стенке глиняной кружки. Надпись состоит из пяти строчек. К сожалению, на обнаруженном нами фрагменте сохранились только начальные части строк. Концы строк размещались на отломанной в древности части сосуда, пока не найденной. Впервые в Пянджикенте встречены арабские надписи. На обломках трех сосудов обнаружены сделанные до обжига надписи; каждая из них состоит из одного арабского слова «сахав», обозначающего «щедрость».

Особое значение, как и в предшествующие годы, имеют находки монет.

Из 109 собранных в 1953 г. монет, по определению О. И. Смирновой¹, 83 согдоязычных, 21 арабоязычных, 4 монеты Бухархудатов, 1 кушанская.

¹ Подробнее см. в работе О. И. Смирновой в настоящем выпуске.

Монеты с согдийской легендой, как и монеты Бухархудатов, датируются кануном арабского завоевания и характеризуют период расцвета Пянджикента. Монеты арабского времени (вторая половина VIII в.), как и фрагменты посуды с арабской надписью, характерны для культурного слоя, образовавшегося в результате вторичного использования случайными жителями отдельных разрушенных помещений.

Монету кушанского времени и небольшую серебряную монету (обол?), к сожалению, до сих пор четко связать с определенным культурным слоем не удалось. Несмотря на редкость находок аналогичных монет, которые датируются приблизительно первыми веками нашей эры, они все же, видимо, не случайны в Пянджикенте. Выявление более ранних слоев следует считать очередной задачей работ в Пянджикенте.

В 1953 г. сделаны важные новые открытия в области живописной культуры древнего Пянджикента. Новые образцы живописи открыты в трех помещениях (объект VI). Несмотря на то, что сохранилась незначительная часть живописного покрытия стен, росписи представляют громадную научную ценность для истории и истории культуры.

Зал № 1¹. Здесь в 1953 г. открыт небольшой участок живописи в северо-восточном углу. На обеих стенах (северной и восточной) сохранилась часть, вероятно, единой батальной сцены. На северной стене изображены воины-всадники, направляющиеся влево. Наиболее интересно здесь изображение двухколесной колесницы, похожей на арбу, кузов которой огражден решеткой. В проеме решетки видна фигура сидящего на скрещенных ногах человека, одетого в цветной кафтан. Хорошо передана конструкция ободов, состоящих из отдельных сегментов.

На восточной стене изображен ряд пеших воинов. Четко видна рука воина, стоящего с поднятым вверх обнаженным мечом. Это первое изображение меча без ножен на пянджикентских росписях. Хорошо передан способ держания меча; клинок, насколько можно судить, двулезвийный.

Зал № 8. Следы росписи здесь сохранились на западной и северной стенах. Северная внизу была окаймлена невысоким фризом. На западном конце северной стены открыта часть многофигурной сцены, от которой сохранилось только четыре фигуры. Особый интерес представляет крайняя фигура справа (голова не сохранилась): обнаженное тело передано синим цветом, на груди перекрещиваются две перекинутые через плечи перевязи; одна из них увешана бубенцами². Такой формы бубенцы из бронзы нередко встречаются во время раскопок. Кроме того, на шее привешен колокольчик. Возможно, что это изображение танцовщицы (рис. 38).

Помещение № 10 — сводчатое. Впервые здесь обнаружена живопись именно на своде. Другого случая живописного покрытия свода комнаты пока мы не знаем. На крупном участке свода живопись сохранилась сравнительно хорошо. Удалось выяснить основной элемент (раппорт) росписи. Свод был расписан по белому фону составляющими сетку ромбами, в центре которых располагалось схематическое изображение цветка, переданного черной, красной и желтой красками (рис. 39). К сожалению, разобрать характер росписи на стенах не удалось. Лишь в одном месте около пяты свода сохранился частично рисунок женской головки.

Бесспорно, важнейшим открытием следует признать росписи в помещении № 13, где по крайней мере три стены были покрыты росписью, которая сохранилась на двух из них — северной и западной.

На северной стене можно различить две сцены. На первой — группа всадников, направляющихся сомкнутым строем вправо. Новое в этой компо-

¹ Зал вскрыт в 1951 г. Обработка настенных росписей в помещении в основном произведена в 1951 и 1952 гг.

² Публикуемые фотографии сделаны с копий художника Ю. П. Гремячинской.

зиции — идущий вслед за всадником слон. Изображение лиц участников и многие детали не уцелели.

На второй — изображена группа музыкантов (рис. 40). Несмотря на плохую сохранность живописи, фигуры и музыкальные инструменты улавливаются вполне определенно. Изображены три музыканта — молодых человека, сидящих на ковре. Форма двух инструментов не вызывает сомнения. Один из них струнный инструмент типа лютни; другой известен нам по изображению в зале № 1; это своеобразный тип арфы, встречающийся

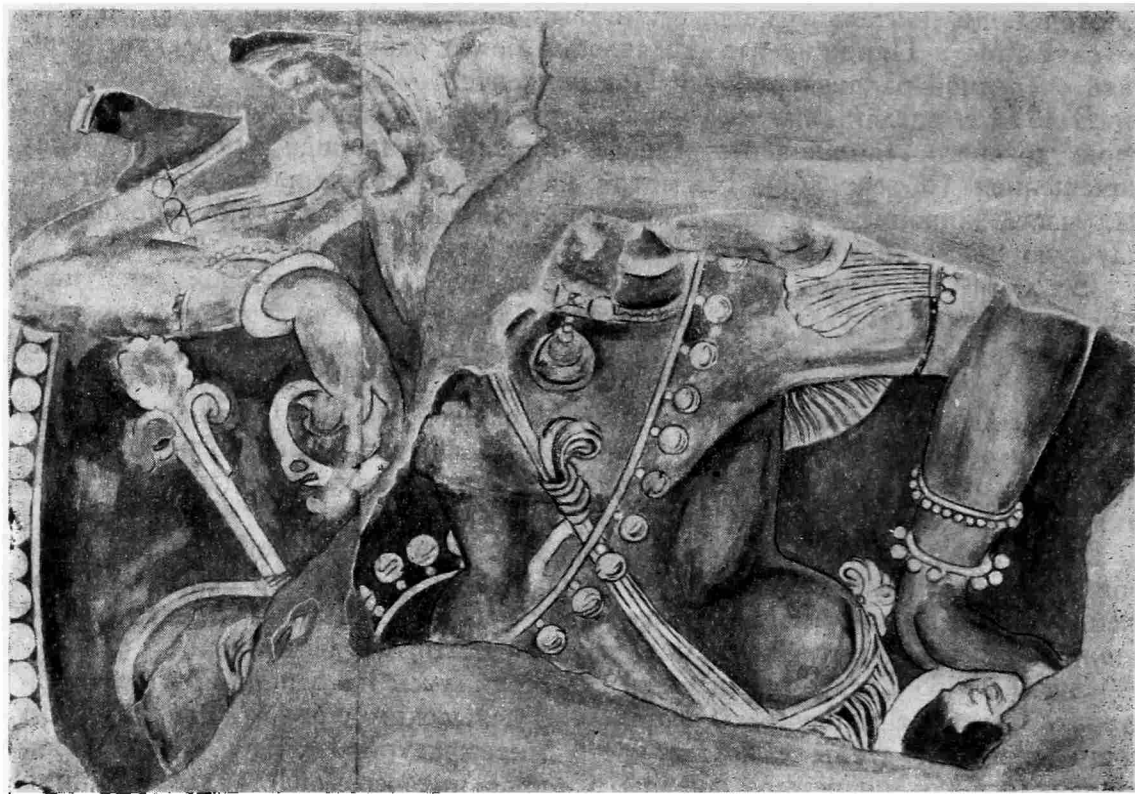

Рис. 38. Фрагмент росписи с изображением сидящей женщины с бубенцами (помещение № 8).

очень редко в изобразительном искусстве. Форма третьего инструмента не ясна. Он несколько напоминает свирель Пана, хотя с полной определенностью утверждать это нельзя.

Очень интересен фрагмент, открытый на западной стене помещения. Это лучший образец пянджикентской живописи и по своей сохранности (рис. 41). Центральное место в картине занято двумя фигурами играющих на доске в какую-то игру. Доска разделена на два поля, в каждом поле имеется по три ряда клеток. По всей вероятности, изображенная игра — один из видов нард. Во время раскопок здания найдена часть игровой кости. Целая игральная кость (деревянная) встречена на горе Муг.

О том, что игра в нарды в Средней Азии была широко распространена, имеется очень любопытное письменное свидетельство, современное нашим росписям, относящееся к эпохе арабского нашествия¹. Поэтому во включе-

¹ См. Табари. *Annales*, II, стр. 1613. Табари, сообщая под 737 г. о событиях, приведших к распаду Тюркского каганата, передает рассказ о ссоре, возникшей между предводителями тюрков во время игры в нарды.

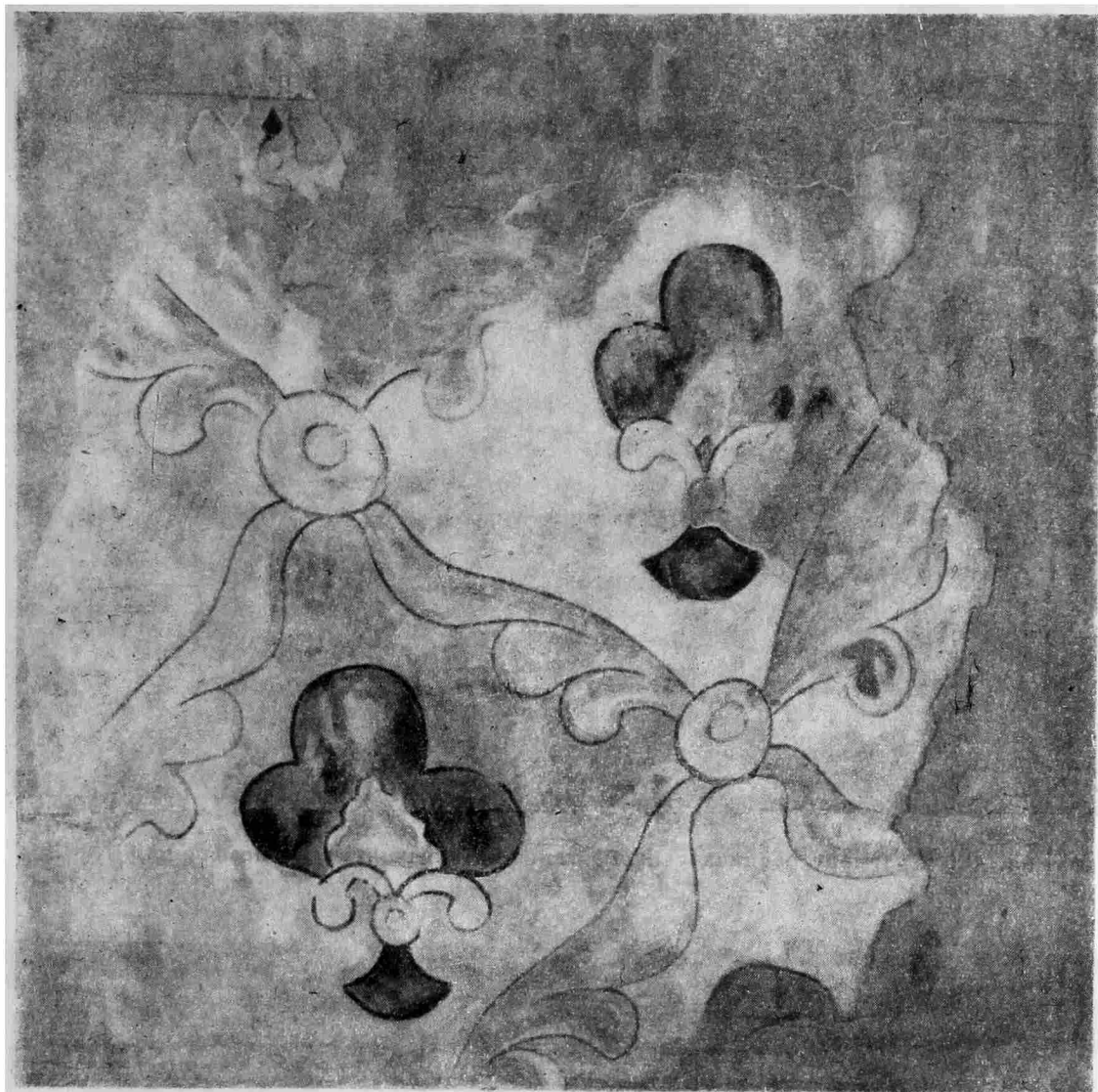

Рис. 39. Фрагмент росписи плафона в помещении № 10.

ним такой сцены в сюжет росписи нет ничего удивительного. Но вместе с тем считать ее только бытовой сценой нельзя. На фрагменте представлены следующие персонажи: правая от зрителя фигура игрока изображает несомненно царя, о чем можно судить по его головному убору в виде короны с крыльями. Форма такой короны хорошо засвидетельствована на монетах и в росписях Пянджикента. Важными деталями являются два языка пламени, поднимающиеся по обе стороны головы и нимб вокруг нее. Характерна внешность партнера царя. Вместо обычного для персонажей пянджикентских росписей плотно облегающего тело кафтана, верхняя одежда партнера дана в виде ниспадающего свободными складками плаща, из-под которого видна обнаженная грудь. Вокруг головы также изображен нимб. Длинные волосы в виде правильных прядей зачесаны назад и повязаны лентой.

Слева от игроков, в одном ряду с ними, помещена женская фигура. В правой руке женщины зеркало. Справа сохранилась часть четвертой фигуры в царской короне. Головы и этих двух фигур окружены нимбами. Сцена представляет лишь часть более обширной композиции; уцелели остатки изображений еще ряда фигур. Несмотря на их фрагментарность,

Рис. 40. Фрагмент росписи с изображением музыкантов из помещения № 13.

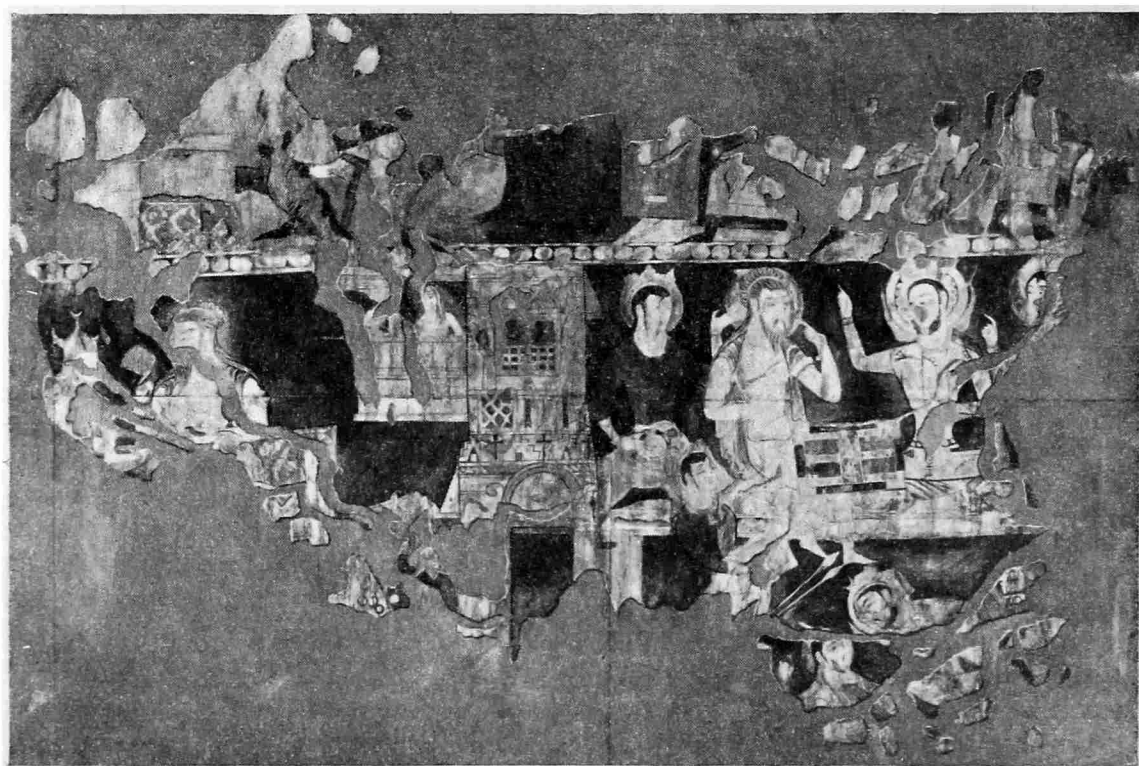

Рис. 41. Фрагмент росписи с изображением игроков в нард из помещения № 13.

можно, однако, утверждать, что на этой части росписи повторяются изображения тех же персонажей, что и в основной сцене. Иначе говоря, перед нами несколько эпизодов, участниками которых являются одни и те же лица. К сожалению, восстановить содержание эпизодов невозможно.

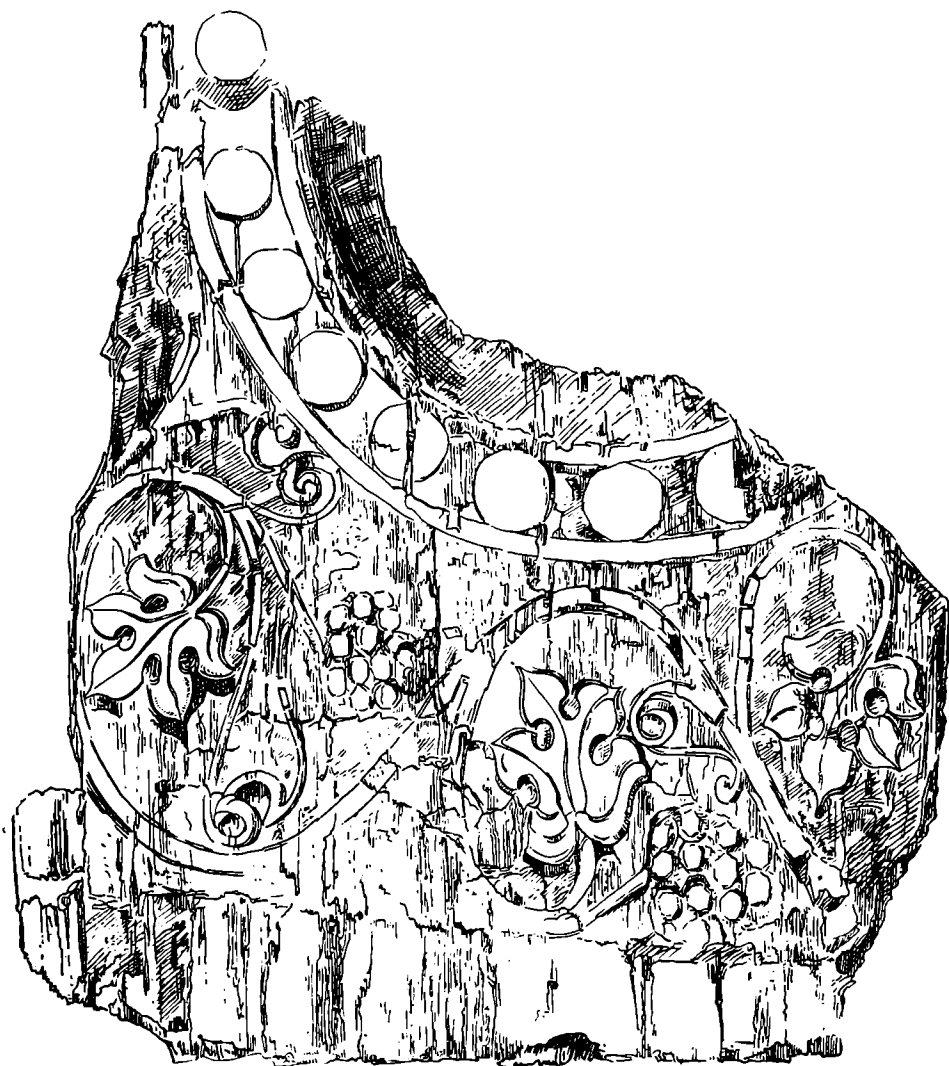

Рис. 42. Фрагмент деревянной плахи с резьбой из северного квадратного зала объекта III.

Приведенные детали делают вероятным предположение, что сцена передает буддийскую легенду, связанную с циклом рассказов о перерождениях Будды, так называемых «джатак». Такому толкованию не противоречат и исторические сведения о распространении буддизма на территории Средней Азии. Письменные источники и археологические данные свидетельствуют о том, что с I—II вв. н. э. и приблизительно по V или VI в. буддизм получил сравнительно широкое распространение в Средней Азии, в том числе и в Согде.

Из отдельных фрагментов живописи, найденных в завале, интересна находка двух фрагментов росписи этой же стены. На одном сохранился превосходный рисунок головы в короне, на другом — фигура человека (без головы) со связанными руками. Интересно изображение слона на поле одежды этого персонажа.

Для истории народного изобразительного искусства особое значение имеет находка в одном из помещений объекта III, погибшего от пожара, крупного обломка обуглившейся деревянной плахи, покрытой с одной стороны глубоким резным орнаментом, изображающим побег виноградной лозы с листьями и гроздьями винограда, выполненным с замечательным мастерством (рис. 42). Это один из древнейших на территории Согда образцов художественной резьбы по дереву. Он свидетельствует о высоком уровне развития этого вида народного искусства еще в домусульманское время.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ
О ДОКЛАДАХ И ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ

XXIX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1949 Ленинград

А. М. БЕЛЕНИЦКИЙ

НАХОДКА ЖЕЛЕЗНОГО КЛЮЧА В ПЯНДЖИКЕНТЕ

Во время раскопок здания на шахристане древнего Пянджикента в 1947 г. внутри одного из помещений, у входа в него, был найден железный ключ к дверному замку (рис. 23). Обнаружение специального углубления в стене, где помещался косяк дверной коробки, подтвердило предположение, что дверь закрывалась запором, задвижка которого приводилась в движение

Рис. 23. Ключ, найденный при раскопках здания на шахристане Пянджикента в 1947 г.

посредством найденного ключа. Как полагает В. Л. Воронина, замок действовал по типу запоров, которые и до сих пор бытуют в селениях Горного Таджикистана.¹

По форме своей ключ представляет стержень длиной 12,5 см, согнутый на 8 см под прямым углом. На загнутом конце перпендикулярно к плоскости стержня отходит бородачка ключа в виде трех зубцов высотой

1,5 см. Толщина стержня 1,5—2 см.

Представляя определенный интерес в качестве предмета материальной культуры, до настоящего времени в археологии Средней Азии неизвестного, ключ приобретает специальный интерес из-за близкого сходства с одним из предметов, изображенных на бия-найманском оссуарии, опубликованном Б. Н. Кастальским. На это сходство сразу же при находке ключа указали А. Ю. Якубовский и А. И. Тереножкин. Предмет на оссуарии, о котором идет речь, находится в левой руке крайней справа женской фигуры (рис. 24). Б. Н. Кастальский предложил в качестве предположения считать этот, по его словам, «странный» предмет ключом к дверному запору. Такое определение было им сделано на основании сравнения с аналогичными ключами, бытовавшими в деревнях отдаленной от места находки оссуариев Нижегородской губ.² Сравнение оссуарного изображения с пянджикентским ключом исключает всякое сомнение. Правда, при более

¹ В. Л. Воронина. Архитектурное изучение городища в Пянджикенте. КСИМК, вып. XXVIII, 1949.

² Б. Н. Кастальский. Бия-найманские оссуарии. Протоколы туркестан. кружка любителей археологии, год XIII, стр. 25.

близком сличении интересующих нас предметов обнаруживаются и некоторые отличия. Так, ключ, изображенный на оссуарии, имеет всего два зубца, в то время как пянджикентский ключ — три. Помимо того, зубцы у первого отогнуты книзу. У пянджикентского ключа, как указывалось, зубцы имеют направление, перпендикулярное к плоскости стержня. Однако эти отличия не могут считаться столь существенными, чтобы видеть в сравниваемых предметах вещи различного назначения. Указанные отличия говорят лишь о разновидностях ключа. Необходимо учесть и трудность изображения на плоскости такого типа предметов.

Таким образом, предмет на бия-найманском оссуарии мы с полной уверенностью можем считать именно ключом от дверей или ворот.

Руководствуясь этим определением, я в данной заметке хочу попытаться истолковать, прежде всего, символическое значение этого ключа, а также, по возможности, и фигуры, держащей его.

В сравнительно обширной литературе, посвященной оссуариям, только А. Калмыков и А. Я. Борисов дают объяснение нашему ключу. Первый из этих авторов, считая, вслед за Б. Н. Кастальским, предмет наш ключом, полагает, что в другой руке у фигуры находится урна (оссуарий). В целом же, говоря его словами, «фигура, держащая гроб и ключ, и должна была запереть его в последнем убежище».³ Борисов опровергает толкование предмета в правой руке фигуры в качестве гроба; на основании сравнений с другими памятниками изобразительного искусства он предлагает считать предмет этот сосудом для жидкости. Относительно ключа он пишет: «Странного вида вещь в левой руке женщины, напоминающий, по словам Б. Н. Кастальского, деревянный ключ, является, быть может, какой-либо деталью оросительных сооружений».⁴ В целом, Борисов на основании указанных эмблем видит в фигуре олицетворение водной стихии.⁵ Ни пер-

Рис. 24. Фрагмент стенки бия-найманского оссуария

³ А. Калмыков. Открытия Б. Н. Кастальского. «Бия-найманские оссуарии». Там же, стр. 52.

⁴ А. Я. Борисов. К истолкованию изображения на Бия-найманских оссуариях. Тр. Отд. Востока. Гос. Эрмитаж, т. II, 1940, стр. 46.

⁵ Там же, стр. 43.

вое, ни второе объяснение мы не можем принять. Толкование Калмыкова явно слишком упрощено. При этом отнюдь не доказано, что в правой руке фигуры находится действительно урна.

Гораздо более серьезно обоснованным является толкование этого предмета Борисовым. В своей очень интересной статье он рассматривает эту фигуру в общей композиции, представленной на оссуарии. Борисов полагает, что фигуры на стенке оссуария олицетворяют собой четыре стихии. Не имея возможности в этой заметке разобрать вопрос полностью, я хочу лишь отметить, что вся композиция является реконструкцией Кастальского. И полной уверенности в том, что существовал оссуарий, на котором были представлены в данном сочетании все четыре фигуры, мы не имеем. Известны сочетания из этих фигур и в другом порядке. Не исключена возможность, что на оссуарии мы имеем отражение других представлений. Что касается конкретно ключа, то мне кажется, что он ни деталью оросительного сооружения, ни эмблемой водной стихии служить не может.

Как бы то ни было, взяв ключ в качестве исходной эмблемы, мы в состоянии дать удовлетворительное объяснение и всей фигуре. В религиозной иконографии ключ в качестве эмблемы известен. Здесь прежде всего на память приходят ключи апостола Петра в символике католического христианства, где они служат эмблемой врат небесного царства. Как ни далекой, на первый взгляд, может показаться эта эмблема от нашего памятника, тем не менее она ведет нас по правильному пути.

На почве древней Италии с этим атрибутом в указанном значении мы встречаемся и на более ранних памятниках. Так, скульптурные изображения божества Януса также имеют в качестве эмблемы ключи, символизирующие его функции как стража у ворот. С ключом мы встречаемся и в более близком к среднеазиатскому культурному миру религиозном культе — митраизме. Как известно, последний получил чрезвычайно широкое распространение в первые века нашей эры как на Ближнем Востоке, так и на территории некоторых европейских стран. Значение этого культа охарактеризовано у историка Древнего Востока Б. А. Тураева.⁶ В том виде, как он оформился на Западе, митраистический культ является сугубо синкретичным. Здесь он впитал в себя множество элементов местных верований. Однако основные представления, отраженные в нем, как и само название, восходят к религиозным представлениям иранских народов и, по всей вероятности, именно восточноиранских и среднеазиатских.⁷

Митраистический культ на Западе оставил многочисленные памятники изобразительного искусства со сложной и весьма интересной иконографией, которая в основном и дает материал для понимания генезиса и содержания этого культа. Находим мы среди эмблем митраизма и интересующий нас предмет — ключ. Он придан одному из важнейших персонажей пантеона митризма — Зрвану — божеству, которое олицетворяло представление о «бесконечном времени» как первоначальном космогоническом начале. Зрван держит в руках обычно два ключа, однако нередко у него, как и у фигуры на бия-найманском оссуарии, только один ключ. Что касается формы ключей у Зрвана, то они, естественно, отличаются от интересующих нас среднеазиатских. Они отличаются также и между собой. Вместе с тем, некоторое сходство все же имеется. Видимо, в большинстве своем они изображают ключи от дверных запоров, а не от висячих замков (рис. 25).

⁶ Б. А. Тураев. История Древнего Востока, т. II, 1936, стр. 286.

⁷ На следы культа Митры в Средней Азии в советской специальной литературе впервые обратила внимание К. В. Тревер. См. «Памятники греко-бактрийского искусства». Гос. Эрмитаж, 1940, стр. 21 и др. Ср. W. Geiger. *Ostiranische Kultur in Altertum*, 1882, стр. 328; A. Christensen. *Études sur le zoroastrisme de la Perse antique*. København, 1928, стр. 6.

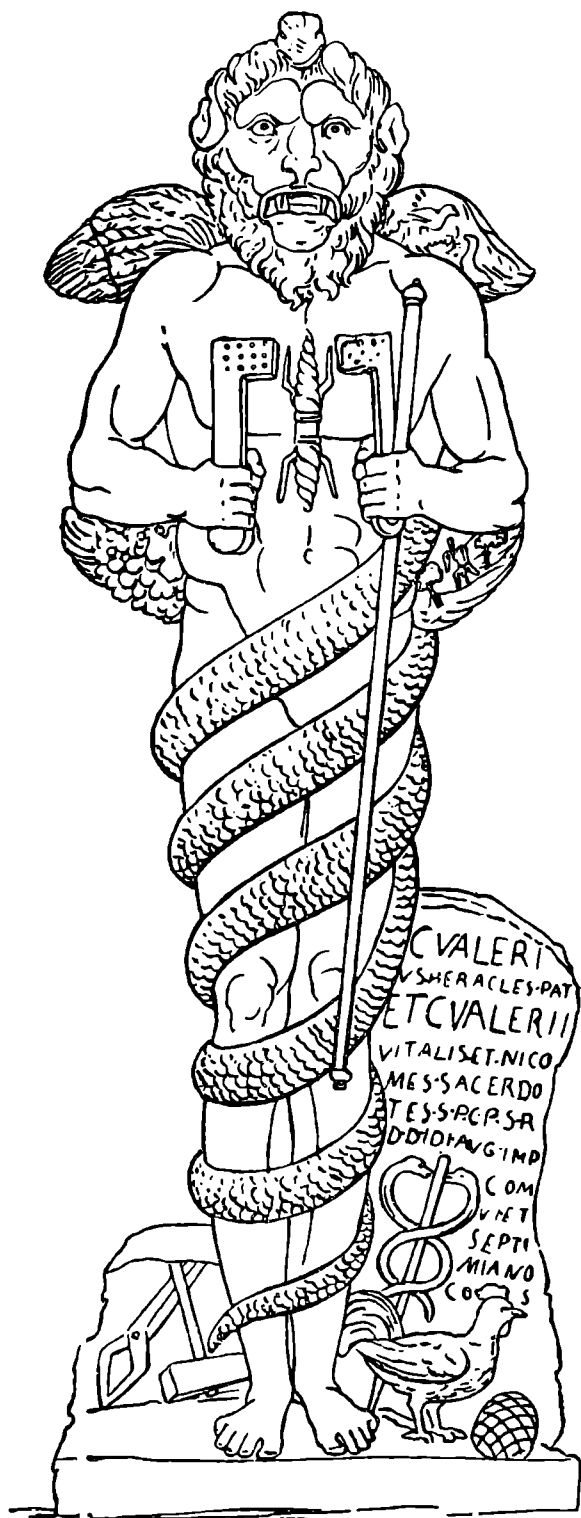
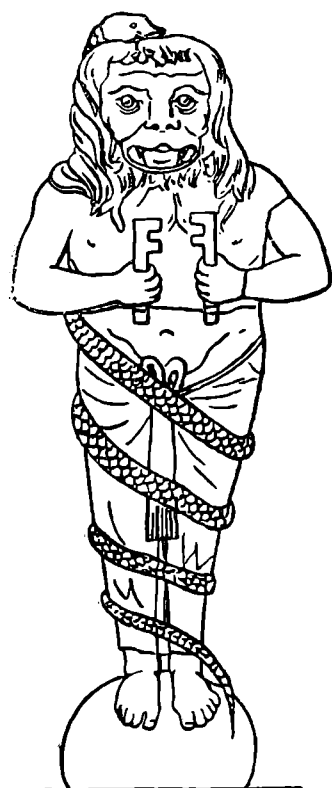
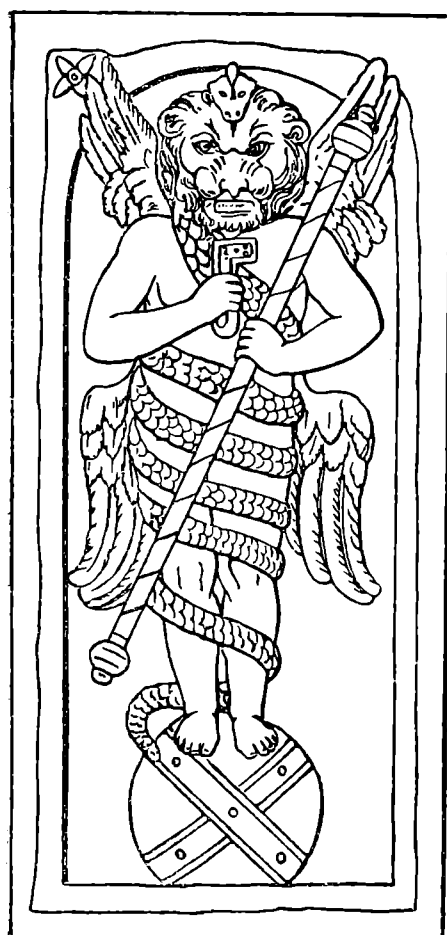

Рис. 25. Изображение фигуры Зрвана с ключами в руках

Символическое значение ключей в руках фигуры Зрвана не вызывает сомнений — это также ключи от небесных врат. Исследователь митраизма и издатель важнейших памятников, относящихся к этому культу, Кюмон, по поводу значения ключей пишет: «Он [Зрван] держит в каждой руке по ключу как владыка неба, врата которого он открывает». ⁸

Мне кажется, это объяснение мы вполне можем принять и для ключа на стене бия-найманского оссуария. Эмблема с таким значением на нашем памятнике представляется вполне уместной.

Вместе с тем, при этом толковании ключа сама фигура на оссуарии, держащая ключ, не получает своего разъяснения. Действительно, изображение фигуры Зрвана в виде мужчины на памятниках митраизма никаких других видимых точек соприкосновения с изображением бия-найманской женской фигуры не имеет. Таким образом, конкретный образ последней остается для нас попрежнему неразгаданным.

Разгадку его мы находим в другом месте. И здесь оказывает помощь наш ключ. Я имею в виду фигуру женского божества, держащую ключ на монетах кушанских царей. Надпись, сопровождающая фигуру этого божества на монетах, раскрывает его характер. Это также хорошо извест-

Рис. 26. Кушанские монеты с изображением Нанайи

ное женское божество Нана, или Нанайа, культ которой прослеживается у многих народов Ближнего Востока. Будучи одним из древнейших божеств вавилонского пантеона, Нанайа, слившись с близким по функциям женским божеством Истар, ⁹ очень рано проникает на иранскую почву, где она выступает и под собственным именем и одновременно в ипостасях местных божеств, как, например, Анахит. ¹⁰

На кушанских монетах, где мы находим ее изображение, помимо надписи, наиболее постоянным признаком ее является ключ (рис. 26). При этом никакое другое из многочисленных божеств, представленных на кушанских монетах, этой эмблемы не имеет. Заслуга определения интересующего нас предмета в качестве ключа принадлежит археологу-нумизмату Н. Н. Забелиной, принимавшей участие в раскопках на Пянджикентском городище. До нее предмет этот определялся как скипетр, ветка или прута лошади и пр. ¹¹ Однако сличение изображений на монетах с нашими ключами не оставляет сомнения в том, что перед нами ключ, причем в большинстве случаев пянджикентского образца. Направление зубов бородок ключей на монетах является наиболее естественным способом передачи на плоскости того их направления, которое мы имеем на ключе, найденном в Пянджикенте.

⁸ F. Cumont. *Textes et monuments figures relatifs aux mystères de Mithra*, т. I. Bruxelles, 1899, стр. 294.

⁹ Де Шантени де ля Соссей. *История религий*, т. I, 1899, стр. 205 и др.

¹⁰ G. Hoffmann. *Auszüge aus syrischen Akten persischer Märtyrer*. Leipzig, 1880, стр. 139.

¹¹ Там же, стр. 152; P. Gardnes. *The coins of the Greek and scythic kings of Bactria and India*. London, 1886, стр. 60 и др.; ср. К. Тревер. *Указ, соч.*, стр. 98.

Фигура Нанайи на монетах, помимо ключа, снабжена, как правило, еще и патерой — священным сосудом для возлияний. Если принять приведенное определение предмета в правой руке фигуры на стенке бия-найманского оссуария в качестве сосуда для жидкости, что, по всей вероятности, действительно так, то окажется, что оба атрибута Нанайи совпадают с таковыми фигурами на оссуарии.

Что касается тех добавочных черт, которые характеризуют обе интересные нас фигуры, например, нимб вокруг головы Нанайи или же корона на голове бия-найманской фигуры, и не совпадающих между собой, то они не могут изменить указанного положения об идентичности этих фигур в качестве культовых образов. Отличия эти, как и разница в трактовке некоторых других деталей, вполне объясняются тем, что рассматриваемые памятники изготовлены в разное время и в совершенно различных стилях. Сверх того, многоликий синкретичный образ такого божества, как Нанайа, дает простор для выделения и подчеркивания различных черт ее ипостасей.

Но какой смысл могло иметь изображение Нанайи на таком памятнике, как оссуарий? Мне представляется, что в этом образе переплелись митрианские представления о ключах врат неба с известным мифом об Истаре (Нанайе), спускающейся в загробный мир в поисках живой воды для воскресения Таммуза — мотие, на памятнике подобного рода вполне оправданный.
